

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Борисовой Ольги Геннадьевны на тему «Лексика и фразеология современных кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация», представленной к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык
Краснодар – 2018

Восточнославянские языки, как известно, имеют достаточно существенные и ранние различия в своей структуре и особенностях функционирования на всех уровнях языковой системы. Однако на современном этапе их развития в контактном взаимодействии идиомов этих близкородственных языков оказываются возможными процессы их сближения, сглаживания дихотомических черт, в особенности же в области лексического состава, и выработки новой модели их развития в условиях полидиалектного окружения. Это обусловлено тем обстоятельством, как в своё время показал В.М. Жирмунский, что диалект живёт в реальных условиях постоянного взаимодействия с соседними родственными диалектами в процессе дифференциации и интеграции, смешения и выравнивания, а также находится под влиянием посторонних субстратов, суперстратов и адстратов [Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.: Л., АН СССР, 1956. С. 3]. В этом плане диалект надо понимать как широкое лингвоэтническое объединение, коммуникативную единицу, имеющую одновременно и синхроническое, и диахроническое содержание.

Подобные инновационные явления обнаруживаются в диалектном континууме на территории кубанского края, где совместно на протяжении более чем трёхсот последних лет (нередко в пределах одного населённого пункта) проживают носители украинских и южнорусских диалектов в соседстве с неславянским населением. Ощутимым катализатором такого сближения является постоянно действующее интегрирующее влияние русского литературного языка (или близких к нему форм). Под «кубанским диалектом», который представляет собой «довольно пёструю картину», но всё же единую, автор диссертации понимает идиом, объединяющий КГЮЯО (кубанские говоры с южнорусской языковой основой) и КГУЯО (кубанские говоры с украинской языковой основой). В этом плане диссертант опирается на авторитетные исследования своих предшественников, которые, обобщив эмпирические наблюдения, правда, на ограниченном материале, подошли к схожим выводам. Так, Б.Н. Проценко, исследовав лексику говора станицы Дядьковской Кореновского района с украинской основой, указал на мощную экспансию русизмов, трансформировавших его словарь, и квалифицировал его как говор лексики переходного типа. М.Н. Шабалин и Е.П. Шейнина говорили о влиянии украинского языка на русскую народную речь, особенно в области слов и выражений, в ряде говоров востока Краснодарского края и др.

Определяя место кубанских говоров в диалектном членении русского языка, О.Г. Борисова называет их смешанными говорами на всех языковых уровнях, оригинальном локальном идиоме, гетерогенном диалекте, имеющем восточнославянскую языковую основу (с. 66): «Этот говор имеет полидиалектную фонетико-грамматическую систему и практически монодиалектную лексическую систему, включающую значительный в количественном отношении общекубанский лексико-фразеологический пласт ЛЕ, функционирующих в КГУЯО и в КГЮЯО» (с. 68). Во многом этому единству способствует то, что в этом идиоме позднего образования КГЮЯО и КГУЯО изначально имеют генетически общий лексический пласт, а также схожие условия существования в едином пространстве. Мысль автора о наличии общекубанского языкового идиома на базе КГЮЯО и КГУЯО, если использовать слова О.Н. Трубачёва, произнесённые им на XII Международном съезде славистов в Кракове в 1998 г. по поводу типологии этногенезиса старославянского языка и роли в этом словарных данных, заставляет «как бы “проигрывать”... единственную реальную этнолингвистическую ситуацию... диалекты → междиалектное общение → наддиалект, alias культурный язык» [Трубачёв О.Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 6]. И в других примерах подобных процессов этногенеза он подчёркивал роль словарных данных, который «скорее недооценивался современным языкознанием» [Там же. С. 7]. Здесь, как кажется, можно уловить переключку с известным положением сравнительно-исторического языкознания о развитии наддиалекта на базе разнородных диалектов (вспомним также соображения С.И. Коткова о развитии московского койнэ на базе севернорусских и южнорусских говоров).

Всё сказанное выше говорит об актуальности диссертационного сочинения О.Г. Борисовой, посвящённого монографическому изучению лексики и фразеологии сложного диалектного континуума говоров Кубани. Работа О.Г. Борисовой – один из редких в настоящее время русских диалектологических проектов, когда на основании систематического изучения живых говоров, в том числе в значительной степени лично автором, удалось не только выявить статус протяжённого и неоднородного диалектного ареала, но и определить динамику его развития, уловить характер протекающих в нём процессов. Автор диссертации ставит и решает серьёзные задачи, из которых, думается, одна из самых важных – «обосновать правомерность объединения лексики и фразеологии КГЮЯО и КГУЯО в единую макросистему» (с. 6). Проблемы лексикологии в данной работе диссертант решает в тесной взаимосвязи с лексикографическими задачами: репрезентантом теоретических достижений данной диссертационной работы выступает полисистемный Словарь кубанских говоров и принципы формирования его иллюстративной зоны, в то же время созданные и создаваемые автором словари построены на базе её исследовательских замыслов.

Научная новизна работы определяется целым комплексом положений как в области её теоретико-методологических, так и практических положений в области методик и приёмов исследования, использовании многообразных надёжных источников анализируемого материала, оригинальности выводов в результате вдумчивого подхода к определению структурно-семантических особенностей построенного ею конструкта. Хорошо продуманы, объёмны и многообразны положения автора, выносимые на защиту, оправданные сложностью новаторского исследования гетерогенного эмпирического материала.

Композиция работы соответствует сюжету задуманного автором исследовательского проекта, обозрима и достаточно компактна, однако в ряде глав заметно повторение одних и тех же мыслей и положений, а в ряде мест, как кажется, излишне дробное и однообразное рассмотрение схожего материала исследования.

В ПЕРВОЙ ГЛАВЕ О.Г. Борисова освещает экстралингвистическую базу исследования, необходимую для изучения лексико-фразеологического пространства кубанских диалектов, используя данные близких к диалектологии наук (которые можно считать, может быть, и периферийными по отношению к её центру): географии, истории, этнографии, социологии. Показанные на карте 2 (с. 24) десять лингвогеографических зон позволяют наглядно представить территориальное распределение говоров в пределах обширного многолюдного пространства (38 районов, около 6 миллионов жителей) Кубанской области, являющегося одним из самых сельских регионов России (с. 26). Это, безусловно, влияет на устойчивость диалектных форм речи, как и фактор высокой оценки диалекта в общественном сознании, ядро которого составляет кубанское казачество (с. 27–28). Исследователь говорит о формировании оригинального локального варианта традиционно-бытовой культуры кубанского казачества с его неотъемлемой чертой – языком, занимающего промежуточное положение между южнорусской и украинской традициями (с. 32) и адаптации к ней восточнославянского населения края, не имеющего отношения к казачьему сословию (с. 33–36), о принадлежности языка основной массы населения края к типу С (по классификации Л.М. Орлова), называемым также в разных источниках полудиалектом или региолектом, который, помимо локальных характеристик, имеет социальную и возрастную обусловленность.

В этой же главе даётся типологическая характеристика кубанских говоров, в которой в первую очередь устанавливается общность и различие кубанских говоров на лексическом уровне. О.Г. Борисова отмечает двуязычие жителей черноморских станиц, где распространён КГУЯО, «для которых официальным средством общения является РЯ в форме, близкой к разговорной русской речи» (с. 39), и тот факт, что жители говорили на местной «балачке», но не говорили на украинском языке, тем более не читали и не писали на нём. Она констатирует смешение всех говоров Кубани, в разной степени, на всех языковых уровнях, но акцент ставит на том, что ЛЕ

являются показательным результатом этого процесса и представляют собой русско-украинские гибриды. Как уже говорилось выше, О.Г. Борисова, устанавливая общность лексико-фразеологического состава говоров Кубани, видит причину этой общности не только во взаимодействии двух лексических систем генетически родственных языков и участия в этой общности заимствований из языков народов Кавказа, но и в том, что изначально КГЮЯО и КГУЯО имеют общий лексический пласт. Она приводит значительный по протяжённости перечень слов различных тематических групп этого пласта, даёт примеры этого плана непредметной лексики, говорит о формальных лексических вариантах, не имеющих противопоставленных диалектных различий и входящих в общекубанский лексический пласт. Однако, по её мнению, даже противопоставленные формальные варианты (КГУЯО и КГЮЯО) можно включить в этот пласт, потому что их противопоставление неустойчиво, относительно: оно не нарушает семантического тождества слова (с.46).

О.Г. Борисова с точки зрения сегодняшнего дня аргументированно опровергает результаты исследований начала XX века (М.А. Садиленко, 1927) о принадлежности говоров запада и юго-запада Краснодарского края к диалекту украинского языка, рассматривая кубанский диалект в движении, как единицу лингвогеографического членения позднего образования, присущую «исторически сложившему субэтносу – кубанскому казачеству, а также восточнославянскому населению, проживающему на территории Кубанского края» (с. 68). Детальная систематизация лексики и фразеологии кубанских говоров в аспекте выявления их степени архаизации служит средством укрепления позиций исследователя по вопросу более точного современного определения их типологии. Однако, как кажется, одну из рассматриваемых автором групп лексики – лексику прядения и ткачества – вряд ли можно считать устаревшей (*донце, куделя, набилки, повесма, пряха* ‘прялка’, *сновалка*), так как она, являясь универсальной для всех типологически различных русских говоров, сохраняется в них без замен и по сей день.

В ГЛАВЕ ВТОРОЙ даётся структурно-типологическая и грамматическая характеристика лексического состава кубанских говоров, поскольку этот вопрос, по мнению автора, напрямую связан с определением лингвистического статуса диалектов как одной из форм существования НЯ (с. 99). О.Г. Борисова предлагает собственное определение кубанского диалектизма – это «слово, функционирующее в других русских говорах (как правило, южнорусских), в украинском языке или только в говорах Кубани и не входящее в словарный запас РЛЯ» (с. 100). В следующих параграфах с использованием эффективных методик исследования даётся обстоятельная характеристика ряда генетических пластов лексики кубанских говоров: неварьируемой лексики материнских говоров и общенародного языка, локальных вариантов ЛЕ материнских говоров и общенародных слов, собственно локализмов, неварьируемых и варьируемых прямых заимствований из языков народов Кавказа, а также детально анализируется

лексика тюркского происхождения как важная часть общекубанского лексического пласта.

Наблюдения над полилексией, типологической и частеречной характеристикой диалектных ЛЕ позволили исследователю выявить особенности статуса кубанского диалекта как в численно преобладающей лексике материнских говоров, так и в структуре и семантике общенародной лексики, подверженных различным трансформациям, обусловленными как особенностями диалектной системы, так и внеязыковыми факторами. Особую ценность представляют наблюдения автора над локальным варьированием ЛЕ и образованием слов-локализмов, что даёт возможность видеть наряду с появлением структурных и семантических вариантов становление кубанских говоров как самобытного идиома.

В ГЛАВЕ ТРЕТЬЕЙ выявляется фразеологический состав кубанских говоров, что важно для историко-этимологического исследования особенностей кубанского диалекта и определения его типологии. Диссертант рассматривает и положительно оценивает вклад своих предшественников, изучивших в этнолингвистическом аспекте диалектную фразеологию Кубани, т.е. в аспекте наличия в них сформировавших её субэтнических культурных пластов, что помогло исследователю на основе своих наблюдений сделать вывод об образовании в кубанских говорах не только общекубанского лексического, но и общекубанского фразеологического фондов. Надо положительно оценить принятые диссертантом положения относительно метаязыкового использования понятий *диалектный фразеологизм*, *диалектный кубанский фразеологизм*, *объём фразеологического состава диалекта*. Это дало ей возможность в полной мере описать своеобразие кубанской фразеологии разных типов, отражающей материальную и духовную культуру данного региона, аксиологические представления и др. особенности мировидения жителей, в том числе и использование творческих потенций их языка для создания образных устойчивых конструкций.

В ГЛАВЕ ЧЕТВЁРТОЙ излагаются основы построения модели лексико-фразеологической макросистемы кубанских говоров, выработанной на основе понимания системности лексики и фразеологии говоров, как опорной базы полисистемного регионального словаря. Точка зрения системности лексики в настоящее время признаётся бесспорной, она создана усилиями многих исследователей, но в начале главы её концептуальная разработка почему-то приписывается в первую очередь Ф. де Соссюру, затем чуть ниже в подкрепление этого положения даётся малозначащее высказывание И.О. Фоминой. Однако далее, со с. 259, диссертантом чётко и убедительно излагается собственная позиция в понимании системности говоров Кубани, которые представляют собой не две изолированные лексико-фразеологические системы КГЮЯО и КГУЯО, что прежде было отражено и в региональной лексикографии, а как единая макросистема в статусе говоров смешанного типа. Здесь исследователь опирается на учение о вариативности русского диалектного языка, имеющего общие и

различительные признаки, в трактовке Р.И. Аванесова и его последователей. Она относит начало наиболее интенсивного процесса создания макросистемы лексики и фразеологии говоров Кубани ко второй половине XIX в., когда в результате ряда экстра- и интралингвистических факторов складывается новый культурный субэтнос с одним из его важнейших компонентов – языком, кубанским диалектом, той макросистемы, которая делится на частные диалектные системы (с. 261). Применяемый ею метод моделирования, т.е. обобщённого представления о компонентах диалектного языка, по словам исследователя, оптимален для изучения лексики и фразеологии кубанских говоров. Этот метод позволяет обобщить и представить обширный языковой материал для презентации в одном лексикографическом произведении, полидиалектном словаре.

О.Г. Борисова говорит об основных принципах построения полисистемного словаря, отражающего открытую модель, «в которой представлены внутрисловные и межсловные отношения ЛЕ на уровне микро- и макросистем» (с.263). В результате ряда логических операций она пришла к выводу о том, что «лексико-фразеологическая макросистема кубанского диалекта – это обладающее свойством реального функционального тождества исторически сложившееся целостное образование, состоящее из совокупности компонентов, находящихся во взаимно перекрещивающихся синтагмо-парадигматических отношениях и ограниченных в функционировании определённым ареалом» (с. 265). Для серьёзной разработки такого объёмного и теоретически многомерного продукта, как задуманный автором полидиалектный словарь всех кубанских говоров, немаловажно решить проблемы с установлением источника словаря, основной языковой базой которого являются полевые записи автора, а также и другие источники, и географией его лексических единиц. Названный словарь «представляет собой *первый* региональный *полисистемный* словарь лексики не только всей территории Краснодарского края, а также за его пределами, в местах, где исторически селились кубанские казаки, в частности, в Майкопском и Красногвардейском районах Республики Адыгея», в нём исследуется 271 н. п., (с. 271).

Словарь кубанских говоров в концептуальном плане построен в основном по дифференциальному типу, но с широким его пониманием, что детально изложено в третьем и последующих параграфах данной главы. Так же детально и обстоятельно комментарии лингвистического и экстралингвистического характера к информационной стороне словаря (источники словаря, география лексических единиц, особенности иллюстративной зоны). Причём приближенность создаваемого словаря к словарям полного типа как принцип постулируется диссертантом в основном не по отношению к словнику словаря, а к его иллюстративной части, примерам народной речи, качеству которых, действительно, надо отдать должное: они содержательны, непосредственны и демонстрируют все лучшие творческие стороны диалектов. По словам автора, в Словаре кубанских говоров «на практике совмещаются два подхода в представлении

материала: дифференциальный, по которому формируется словник, и недифференциальный, являющийся основным при создании иллюстративной зоны словаря...» (с. 275). По нашему мнению, словари и атласы полного типа (типа тезауруса) представляют собой более желанный тип диалектного словаря, чем словари дифференциального типа, но их создание сопряжено с огромными техническими трудностями и ограничено национальными традициями в области лексикографической практики. Как кажется, желание выстроить областной словарь по дифференциальному типу, но со стремлением полнее отразить всё лексическое богатство языка, т.е. применяя приёмы энциклопедизма, – это положительная и не новая тенденция развития русской лексикографии. К сожалению, она прервалась после создания Словаря В.И. Даля и тома академического словаря на буквы Е–К под редакцией А.А. Шахматова и удачно реализовалась через некоторый перерыв при создании Псковского областного словаря, этой сокровищницы русского регионального языка талантливыми продолжателями дела Б.А. Ларина. Недифференциальный способ отбора лексического материала используется также и при создании такого масштабного всероссийского проекта, как ЛАРНГ. Однако принцип отдельного использования двух принципов построения словаря в разных зонах одной словарной статьи, а не при разработке слова в целом, как это предлагает О.Г. Борисова, вряд ли возможен, поскольку тогда разрушится концептуальная целостность исследования. К тому же подобная позиция составителя словаря выглядит вынужденной уступкой модной в настоящее время «новой парадигме языкознания», репрезентантом которой оказывается почему-то Т.А. Демешкина (во всяком случае только на неё одну даётся ссылка в отношении этой проблемы): «Между тем, разделяя идею о том, что в результате смены научной парадигмы российского языкознания основной вектор современных диалектологических изысканий меняется с дифференциального на недифференциальный подход к анализу диалектной речи [ср. Демешкина, 2014, с. 276], считаем перспективным объединение в одном лексикографическом издании обоих подходов...» (с. 275). Интересен опыт использования автором в качестве иллюстративного материала выработанного им жанра лексорассказа, который, видимо, и воплощает в зоне иллюстрации идеи автора о недифференциальном подходе к подаче лексики.

В ГЛАВЕ ПЯТОЙ при изучении полисемии в лексико-фразеологической макросистеме кубанских говоров автор пристальное внимание обращает на уточнение вопроса «о географии бытования каждого ЛСВ, что позволит сделать вывод о вхождении ЛЕ в общекубанский лексический пласт. В противном случае разные ЛСВ следует относить к межсистемной полисемии...» (с. 337). Наблюдения автора показывают, что случаев последнего типа немного. Однако они обнаруживаются и в говоре одного населённого пункта. Она отмечает также наличие в кубанской говорах смешанной полисемии, «при которой слово может быть одновременно межсистемным и внутрисистемным полисемантом, а также

внутрисистемным моносемантом и межсистемным полисемантом» (с. 338). Анализируя модели переносных значений слов, исследователь выявляет самую продуктивную из них – метафорическую модель – и находит, что «для диалектных систем характерны те же модели метафоризации, что и для ЛЯ» (с. 342). Тот же вывод она делает и для других видов полисемии (с. 357). Наиболее распространена в говорах бисемия, есть в говорах, как и в литературном языке, цепочечная, радиальная и смешанная полисемия. Полисеманты в области фразеологии в кубанских говорах (по данным «Фразеологического словаря Кубани») представлены только в 9 процентах случаев (134 из 1500 случаев) (с. 349).

Интересны рассуждения диссертанта о стилистически маркированных словах и квазисинонимах, экспрессивах (с. 362–363), о выделении в говорах Кубани внутрисистемных, межсистемных и смешанных синонимов (с. 356), о широко представленных, помимо вариантов, фразеологических синонимах, о разграничении диалектных омонимов и полисемантов, об антонимии и энантиосемии как ярком атрибуте современного состояния диалектных систем.

В ГЛАВЕ ШЕСТОЙ, как бы на «сверхсыт», даются образцы идеографической организации макросистемы кубанских говоров и излагаются их теоретические основы. Вслед за Л.А. Новиковым диссертант принимает широкое определение семантического поля, единицам которого свойственны не только парадигматические и синтагматические отношения, но и отношения ассоциативно-деривационные (с. 431). Она даёт классификацию лексики и фразеологии по тематическим и лексико-семантическим группам, «что не только является релевантной характеристикой лексико-фразеологической макросистемы, но и способствует более глубокому пониманию её внутреннего устройства». О.Г. Борисова предлагает презентацию СП будущего тематического словаря кубанских говоров, принципиальное положение для которого «является включение в словарь данного типа слов и ФЕ двух микросистем – КГЮЮ и КГУЮ – с указанием географии словозначения» (с. 432). В диссертации рассматриваются микрополя Речь, Пение, Молчание, Мирный труд, Ленъ, а также номинации человека по этнической, национальной и социальной принадлежности как фрагменты создаваемого идеографического словаря (с. 434).

Чрезвычайно интересны наблюдения исследователя по поводу рефлексии местных жителей на свою речь, речь соседей и приезжих, разноэтническую и русскую литературную, понимания ими динамики развития языка в условиях общекубанской макросистемы говоров. Как и в прежних главах, здесь надо отметить исключительно объёмный и разнообразный исходный материал исследования в виде описываемых лексем на фоне образцов живой народной речи.

В заключении подчёркиваются все важные моменты исследования, из которых наиболее значимым и новаторским надо признать положение автора о ведущей тенденции, определяющей современное состояние кубанского

диалекта, которая заключается в постепенном размывании его исторических основ и распространении русских литературных черт, в первую очередь в области лексики и фразеологии. В результате процедуры моделирования макросистемы кубанских говоров диссертант пришла к выводу о том, что общекубанский лексический пласт следует считать релевантной типологической особенностью кубанского диалекта.

Список литературы, в том числе и словарей, насчитывает 317 единиц, он велик и разнообразен. Имеется ряд ценных приложений документального характера, карты, все составляющие диссертационного исследования полностью отражены в публикациях автора.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что диссертационное сочинение О.Г. Борисовой «Лексика и фразеология современных кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация» является глубоким, уникальным исследованием, которое займёт достойное место среди трудов по русской диалектологии в целом и таких её подразделений, как этнолингвистика, ареалогия, диалектная лексикология и лексикография. Её теоретическим достоинством является выработка собственной методологии исследования гигантского по объёму и достаточно разнородного материала, успешность экстраполяции наиболее ценных методик исследования на различные составляющие работы, достоверность и непротиворечивость выводов, позволяющих удостоверить правильность шагов анализа, соотнесение их с исходным эмпирическим материалом. Оно имеет безусловную практическую ценность в области вузовского преподавания филологических и смежных с ними наук, а также его прикладное значение велико и для других научных и практических сфер человеческой деятельности вследствие общественной важности замысла исследования, чёткости изложения материала, ясности языка и др.

Крупномасштабное и неординарное исследование, каковым и является реферируемая диссертация, может содержать положения дискуссионного характера и вызывать вопросы, которые можно адресовать автору именно как специалисту по данной проблеме. Их наличие не умаляет высокой ценности данного диссертационного исследования. Некоторых из спорных теоретических и практических моментов работы мы касались выше, здесь же зададим соискателю следующие вопросы, которые, возможно, будут учтены соискателем при дальнейшей работе в этом направлении.

– Давая в первой главе типологическую характеристику современных кубанских говоров и описывая общность и различие кубанских говоров на лексическом и грамматическом уровнях и, как видно из диалектных текстов, приводимых в работе, зная их фонетические особенности, автор почему-то не уделил особого места отдельному описанию их фонетической системы. С чем это связано?

– Следующий вопрос неразрывно связан с первым. Считает ли диссертант фонетику русских говоров менее значащим фактором в дифференциальном плане для определения типологии говора (и

